

Содержание

Введение	5
Часть I. ПУТИН I ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ	7
Глава 1, в которой Александр Волошин, идеолог Кремля, научился терпеть Ленина	9
Глава 2, в которой политэмигранта Бориса Березовского не позвали на королевскую свадьбу	33
Глава 3, в которой самый богатый человек в России Михаил Ходорковский теряет бизнес и свободу, а Семья исчезает	62
Часть II. ПУТИН II ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ	87
Глава 4, в которой глава кремлевской администрации Дмитрий Медведев создал новое российское сословие	89
Глава 5, в которой глава администрации президента Украины Виктор Медведчук остался последним украинцем, которому верит Путин.	105
Глава 6, в которой замглавы президентской администрации Владислав Сурков обороняет осажденный Кремль.	121
Глава 7, в которой помощник президента Игорь Шувалов придумывает, как сделать Россию империей	144
Глава 8, в которой вице-премьер Сергей Иванов всерьез поверил в то, что он наследник	158
Часть III. ЦАРЕВИЧ ЛЖЕДМИТРИЙ	181
Глава 9, в которой президенту Грузии Михаилу Саакашвили удастся сохранить не только власть, но и нечто гораздо более ценное	183

Глава 10 , в которой Барак Обама стал лучшим другом и главным врагом Кремля.	207
Глава 11 , в которой вице-премьер Игорь Сечин стал русским Че Геварой.	216
Глава 12 , в которой русская принцесса Татьяна Юмашева придумывает новую демократическую партию	232
Глава 13 , в которой лидер оппозиции Алексей Навальный почувствовал, что может повести народ на Кремль	252
Часть IV. ПУТИН III ГРОЗНЫЙ	279
Глава 14 , в которой патриарх Кирилл стал руководить министрами.	281
Глава 15 , в которой кремлевский идеолог Вячеслав Володин изобрел новую национальную идею	293
Глава 16 , в которой пресс-секретарь Путина Дмитрий Песков понял, что понравиться Западу уже никогда не удастся	310
Глава 17 , в которой министр обороны Сергей Шойгу отомстил за Афганистан и Николая I.	332
Глава 18 , в которой Алексей Кудрин проиграл битву за место в голове президента	358
Глава 19 , в которой Рамзан Кадыров съездил в Дубай и вернулся.	378
Заключение. ПУТИН IV СВЯТОЙ	395
Примечания	405

Введение

Начиная работу над книгой, я думал, что это будет история о том, что произошло с Россией за последние 15 лет, как менялось мироощущение и мировоззрение Владимира Путина и его ближайшего окружения, как все начиналось и к чему это все нас привело. Но оказалось, что участники событий никогда не помнят, что случилось на самом деле. Каждый конструирует воспоминания так, чтобы выглядеть в них пристойно, героически и, главное, чтобы быть всегда правым. За годы работы я проинтервьюировал несколько десятков человек из ближайшего окружения Владимира Путина: сотрудников администрации президента, членов правительства, депутатов Государственной думы, предпринимателей из списка *Forbes* и зарубежных политиков. Почти каждый из них рассказывал свою историю, которая иногда не пересекалась с историями других персонажей. Герои часто забывали факты, путали время и даже не могли вспомнить свои собственные поступки и слова. Как правило, они просили на них не ссылаться. Впрочем, мне удалось опросить такое количество участников, что картина получилась достаточно ясной.

В сухом остатке вышла история о том, как человек случайно стал королем. Поначалу он просто хотел удержаться. Ему стало везти, и он решил, что может стать удачливым борцом и реформатором — королем Львиное Сердце. И захотел войти в историю. Но потом захотел хорошей жизни. И стал королем Великолепным. Потом устал и захотел отдохнуть. Но понял, что уже не может позволить отдых, поскольку он часть истории. Потому что он уже царь Грозный.

Как в нем происходили все эти перемены? Во многом благодаря его окружению, разнородной свите, которая усердно все эти годы играла короля. Ближний круг подхватил его и, манипулируя страхами и желаниями, понес вперед. Туда, где сам он вовсе и не чаял оказаться.

Если восстанавливать события, зная, чем они закончились, история кажется очень логичной. Может даже появиться ощущение, что все с самого начала шло именно к тому, к чему пришло

сейчас, вырисовывается некий изначальный план. Герои задним числом придумывают обоснования собственным действиям. Находят причины, которых не было в действительности, и логику, о которой они прежде даже не подозревали.

Однако эти 15 лет истории России, даже чуть больше, не имеют четкой логики. Цепь событий, которую мне удалось восстановить, обнаруживает отсутствие плана или ясной стратегии у Путина и его окружения. Все, что происходит, — это тактические шаги, оперативное реагирование на внешние раздражители, не ведущие ни к какой конечной цели.

Пристальное разглядывание поступков и мотивов российских политиков в последние 15 лет доказывает, что теория заговора неверна. Если есть малейшее сомнение в том, что именно послужило причиной того или иного события — злой умысел или ошибка, то всегда нужно выбирать второе.

Знали ли российские руководители в 2000 году, к чему они придут через 15 лет правления? Нет. Знали ли они в 2014 году, как встретят 2015-й? Тоже нет.

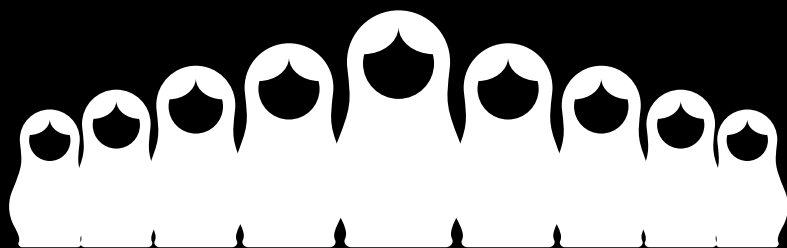
Когда я пишу «руководители» во множественном числе, это вовсе не ошибка. Принято считать, что все решения в России принимает только один человек — Владимир Путин. Это правдиво лишь отчасти. Все решения действительно принимает Путин, но Путин — не один человек. Это огромный коллективный разум. Десятки, даже сотни людей ежедневно угадывают, какие решения должен принять Владимир Путин. Сам Владимир Путин все время угадывает, какие решения он должен принять, чтобы быть популярным, чтобы быть понятым и одобренным огромным коллективным Владимиром Путиным.

Это коллективный Владимир Путин все годы конструировал свои воспоминания, чтобы доказать себе, что он прав. Чтобы убедить себя, что его действия логичны и у него есть план и стратегия, что он не совершал ошибок, а был вынужден так поступить, поскольку боролся с врагами, вел тяжелую и непрерывную войну.

Поэтому моя книга — это история вообразяемой войны. Войны, которую нельзя закончить, иначе придется признать, что ее никогда не было.

ЧАСТЬ I

ПУТИН І ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ

Глава 1

В КОТОРОЙ АЛЕКСАНДР ВОЛОШИН, ИДЕОЛОГ КРЕМЛЯ, НАУЧИЛСЯ ТЕРПЕТЬ ЛЕНИНА

Александр Волошин — образцовый капиталист. В его внешности есть что-то от американского Дяди Сэма, каким его рисовали на советских карикатурах: седая бородка, холодный пронзительный взгляд (для полноты образа не хватает только котелка, мешка долларов и бомбы за спиной).

Офис Волошина в центре Москвы, на Полянке, в десяти минутах ходьбы от Кремля, очень аскетичен, тут есть все, что нужно, но нет никакой роскоши — тайному властителю мира она не нужна.

Волошин явно не оратор — говорит тихо и даже слегка заикается, когда злится. А еще любит злоупотреблять английскими словами. Не англицизмами, а именно иностранными словами, которыми оперирует в деловой жизни. «Ситуация на Украине уже не очень manageable». «Надо, чтобы в голове всегда была agenda». «Настал полный deadlock». «Важны мнения основных stakeholders». Он делает это не нарочито — ему так проще, ведь он не политик, а бизнесмен.

Свою главную историческую миссию Волошин, наверное, считает выполненной: он обеспечил политическую стабильность и капитализм — и на покой. Он говорит, что не жалеет о своей нынешней неспособности повлиять на политику.

О политике он предпочитает говорить в сугубо деловых терминах: «Американцы создали у себя огромную, диверсифицированную, восприимчивую к инновациям экономику благодаря жесточайшей конкуренции. Такая же напряженная конкуренция видна в американской поли-

тике, в том числе внутри основных политических партий. И благодаря этому они сформировали устойчивую политическую систему, отвергающую крайности. А вот в международной политике Соединенные Штаты после исчезновения Советского Союза стали де-факто монополистами. И в отсутствие конкуренции стали самоуверенными, неэффективными, неразумными. Наделали кучу серьезнейших ошибок, нанесли огромный ущерб международной безопасности и самим себе». Впрочем, об Америке он отзывается хоть и с изрядной критикой, но все же любовно, с неожиданными деталями: там он случайно познакомился с Джебом Бушем, а тут увидел старую знакомую Кондолизу Райс, но решил не здороваться.

Настоящую ярость у него вызывает украинский вопрос: тут он переходит с английского на русский. Политика украинских властей в отношении русскоязычного населения его возмущает: «Попробовали бы канадцы так вести себя с франкоговорящими жителями Квебека. Они бы еще не такое получили».

Похоронить Ленина

В 1999 году в Кремле был разработан четкий план по захоронению Ленина. Его тело предполагалось вынести из Мавзолея на Красной площади и увезти в Санкт-Петербург глубокой ночью, в обстановке строжайшей секретности. Утром все проснулись, а Ленина уже нет на Красной площади.

Точно так же, 38 годами ранее, поздним осенним вечером из Мавзолея вынесли тело Сталина — его, правда, далеко не увезли, а похоронили рядом, у Кремлевской стены. Для Никиты Хрущева, тогдашнего советского лидера, это было символом десталинизации и развенчания культа личности.

Перезахоронение Ленина должно было пройти «достойно и без хамства», вспоминают сотрудники кремлевской администрации. Просто после этого нужно было бы на пару месяцев взять в оцепление Волковское кладбище в Санкт-Петербурге (место, где похоронены мать и сестры Ленина и, по легенде,

завещал похоронить себя основатель Советского государства). И потерпеть несколько месяцев протестов партии коммунистов. После этого страсти улеглись бы: планировалось разобрать Мавзолей и построить на этом месте памятник жертвам тоталитаризма, чтобы никому не повадно было его сносить. Это должно было стать решающим ударом по коммунистической идеологии. На тот момент для Кремля это была важнейшая задача: не допустить советского реванша и победить коммунистов.

Кабинет главы кремлевской администрации Александра Волошина находился примерно в 10–15 метрах от саркофага Ленина в Мавзолее. Рассказывают, что Волошин любил шутить: «От меня до трупа не больше 15 метров по прямой. Он там лежит, я тут работаю. Мы друг другу не мешаем».

На самом деле Ленин очень мешал. Президенту Борису Ельцину он мешал покончить с прошлым — для него захоронение вождя стало бы символом того, что настали новые времена и случившиеся перемены необратимы, как и захоронение Сталина для Хрущева 36 лет назад. Впервые похоронить Ленина предложил еще в 1991 году первый мэр Петербурга Анатолий Собчак, но и тогда, и в последующие годы Ельцин не мог выполнить его просьбу — не хотел идти на ненужный конфликт с коммунистами.

Для Волошина же Ленин был не столько символом, сколько конкретным, всегда живым игроком в актуальной политике. Борьба с коммунистической партией была важнейшей частью каждодневных забот главного стратега Кремля. Ленин был для него козырем в рукаве, возможностью дать противнику под дых. Коммунисты стали главной силой в парламенте и поэтому имели возможность торпедировать любую критически важную реформу. А после кризиса 1998 года коммунисты фактически контролировали и правительство, которое возглавлял 69-летний Евгений Примаков, бывший кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС и бывший министр иностранных дел России.

До истечения президентского срока Бориса Ельцина, прописанного в конституции, оставалось чуть больше полутора лет — и, казалось, никогда коммунисты еще не были так сильны. Компартия запустила процедуру импичмента президента Ельцина,

обвинив его по пяти пунктам: развал СССР, разгон парламента в 1993 году, война в Чечне, развал армии и геноцид русского народа. Премьер-министр Примаков, за которого коммунисты проголосовали единогласно, занимал первое место в рейтинге самых популярных политиков страны и казался самым перспективным кандидатом в президенты.

Особую популярность принес ему яркий антиамериканский жест — разворот над Атлантикой. 24 марта 1999 года Примаков летел в Вашингтон, когда ему позвонил вице-президент Альберт Гор и сообщил, что США начинают бомбардировки Югославии с целью прекращения конфликта в Косово. Возмущенный Примаков развернул свой самолет и вернулся в Москву. Российская пресса — прокремлевская и либеральная — раскритиковала Примакова за популизм, заигрывание с коммунистическим электоратом. Первая в СССР и главная на тот момент в России деловая газета «Коммерсантъ» уверяла, что из-за демарша Примакова Россия потеряла \$15 млрд, которые могла бы заработать в результате подписания подготовленных в Вашингтоне соглашений: «Тем самым премьер-министр России сделал свой выбор — выбор настоящего коммуниста. Большевика, готового полностью пренебречь интересами своей Родины и народа в угоду интернационализму, понятному только ему и бывшим членам КПСС», — негодовал «Коммерсантъ»¹.

Разворот над Атлантикой стал первым жестом государственного антиамериканизма в 1990-е годы и показал, насколько он может быть популярен среди лишенного чувства национальной гордости населения. Он же стал и началом решающей схватки за власть: консерваторов-антизападников, знаменем которых стал Примаков, и либеральных и прозападных сил, требующих не допустить советского реванша, у которых не было лидера, но имелся тайный координатор — глава кремлевской администрации Александр Волошин.

В этой ситуации коммунистов надо было вывести из равновесия. И ритуальным сокрушительным ударом могло стать перезахоронение Ленина. Но помешало законодательство. По действующему законодательству, перенести тело Ленина можно было в одном из трех случаев. Либо по прямой воле по-

томков — но родственники Ленина были категорически против. Либо по решению местных властей (т. е., по сути, мэра Москвы Юрия Лужкова) «при нарушении санитарных и экологических требований к содержанию места погребения» — а он готовился вступить в борьбу за власть явно не на стороне Кремля и либералов. Либо если могила мешала проезду общественного транспорта. Но никак не по прямому указу президента. Нарушение этого закона считалось уголовным преступлением. Добавлять к пяти пунктам обвинений против президента, которые выдвинули коммунисты в парламенте, еще и вандализм было слишком рискованно. Поэтому в Кремле решили совершить другой резкий ход — ударить не по Ленину, а по Примакову.

12 мая 1999 года, за три дня до голосования по импичменту в Государственной думе, Примакова отправили в отставку с официальной формулировкой «за отсутствие динамизма в реформах при решении экономических проблем». 15 мая коммунисты не набрали необходимых 300 голосов для начала процедуры импичмента — администрация президента качественно работала с парламентариями, почти все независимые депутаты проголосовали против. Это была тактическая победа Волошина, но она не отменяла главного вопроса. Как предотвратить победу альянса коммунистов и Примакова через год, когда второй президентский срок Ельцина истечет?

Главной сложностью было то, что вокруг Ельцина практически не было политиков, обладающих хоть каким-то политическим рейтингом. Рейтинг самого престарелого президента Ельцина был почти отрицательным — во многом из-за обвинений, которые пресса и оппозиция (в первую очередь коммунисты) выдвигали в адрес его семьи. В тот период пресса писала слово «Семья» с большой буквы, имея в виду, что семья президента имеет особый, иногда даже непропорционально большой вес в государстве, а возможно, и в бизнесе. Под Семейей понимали в первую очередь Таню и Валю (их пресса называла обычно сокращенными именами, но все сразу понимали, о ком речь), т. е. Татьяну Дьяченко (дочь президента) и Валентина Юмашева (бывшего главу его администрации). Тогда они еще не были женаты — поженятся Таня и Валя только в 2001 году. В более

широком смысле в Семью включали также самых близких к Тане и Вале олигархов: Бориса Березовского и Романа Абрамовича. Наконец, душеприказчиком Семьи был Александр Волошин — руководитель администрации президента Ельцина, именно ему приходилось разруливать ту почти безвыходную ситуацию, в которой оказался Кремль.

Волошина в Кремле иногда называли «отмороженным» за его жесткость и решительность в тех вопросах, которые казались ему принципиально важными, вроде идеи вынести Ленина из Мавзолея.

Выходец из бизнеса, проработавший в 1990-е годы в десятках компаний с разной репутацией, Волошин считался убежденным государственнымником, отстаивавшим интересы государства в том виде, в каком он их видел. Рыночная экономика казалась ему абсолютной жизненно важной ценностью, а права человека и свобода слова — не всегда полезной, иногда избыточной деталью.

Ситуацию, в которой оказался Волошин как главный менеджер Кремля, осложняло то, что у Семьи был очень сильный противник — мэр Москвы Юрий Лужков. Хозяин Москвы долгое время считался естественным наследником, хоть и антиподом Ельцина — как мэр Парижа Жак Ширак при престарелом президенте Франции Франсуа Миттеране. Его знала вся страна, но не как либерала или консерватора — никакой идеологии у Лужкова не было, — его знали как «крепкого хозяйственника».

Лужков хотел власти для себя лично и почти никогда этого не скрывал. Собираясь в президенты в 1998 году, Лужков создал свое движение «Отечество». В Кремле у него была группа сторонников, которая уговаривала Ельцина сделать ставку именно на Лужкова и выбрать его своим преемником. Но Ельцину Лужков не нравился.

С ним провели предварительные переговоры. Сейчас Лужков вспоминает, что в качестве эмиссара Семьи с ним встретился Березовский, который сказал, что его могут поддержать при выполнении двух условий: гарантии неприкосновенности для всей Семьи и гарантии незыблемости итогов приватизации. Лужков отказался, и ровно поэтому впоследствии, по его словам, против него была развязана информационная война.

Лужков был абсолютно уверен, что дела Семьи плохи и ей вряд ли что-то поможет. По слухам, глава следственного управления Генпрокуратуры уже подписал ордера на арест Тани и Вали. Настроение в Кремле недоброжелатели описывали так: успеют они или не успеют при случае доехать до аэропорта Шереметьево. Лужков вполне логично не хотел вступать в борьбу на стороне тех, кого он считал проигравшими. Он хотел объединиться с победителями.

Волошин, едва возглавив администрацию, пытался оказывать Лужкову знаки внимания, приезжал к нему в гости, пил с ним чай. Но эти чаепития ни к чему не приводили: Лужков не мог сдержаться и, когда видел слабость президента Ельцина, инстинктивно переходил в атаку. Однако информационная война между Лужковым и Семьей почти уничтожила и его рейтинг. Поэтому мэр Москвы решил схитрить. Он поддержал Примакова в расчете пропустить вперед престарелого патриарха нации, чтобы за его спиной переждать бурю, а через четыре года избраться самому.

Михаил Ходорковский, нефтяной олигарх, который в тот момент тесно общался и с Лужковым, и с Примаковым, уверен, что бросить вызов самому Ельцину они бы не решились, будучи глубоко системными людьми. По мнению Ходорковского, целью их борьбы было все же добиться от Ельцина права стать его преемниками. Однако на втором уровне — против окружения президента и его Семьи — битва шла всерьез.

Никакого противовеса популярному отставнику Примакову у Кремля не было. За год до окончания ельцинского срока Семья начала кастинг на должность преемника Ельцина. Он закончился только к августу — премьер-министром был назначен директор ФСБ Владимир Путин. Молодой, никому не известный, чекист, бывшая правая рука Анатолия Собчака, растерявшего былую популярность демократа первой волны.

За два дня до его назначения боевики из Чечни вторглись в соседнюю северокавказскую республику Дагестан. Так Путин стал первым премьером, которому не пришлось заниматься проблемами экономики и терять из-за этого рейтинг — он боролся с внешним врагом и только зарабатывал на этом очки.

Месяц спустя террористы взорвали два дома в Москве — это стало ударом по позициям мэра Лужкова и еще немного помогло Путину.

Но все равно поверить в то, что скомпрометировавшая себя Семья сможет выиграть выборы, было невозможно. «Примаков — человек обреченный на то, чтобы выиграть президентские выборы» — так говорил в эфире главный телеведущий страны, председатель совета директоров телеканала НТВ Евгений Киселев всего за три месяца до Нового года, в сентябре 1999 года. Рейтинг Примакова был наибольшим, его поддерживал мэр Москвы Лужков и почти все российские губернаторы. Его финансировали две крупнейшие нефтяные компании страны, «Лукойл» и ЮКОС, ему давал деньги Владимир Евтушенков, которого называли «русским Биллом Гейтсом», его поддерживал «Газпром» и главный медиамагнат страны Владимир Гусинский, поэтому Примакова и хвалили на НТВ, самом авторитетном телеканале страны.

Главное даже не это. Три месяца оставалось до парламентских выборов. Прокремлевская партия ни разу еще не выигрывала думских выборов, а на этот раз все обстояло еще хуже. Никакой своей партии у Кремля не было. А вот у Примакова имелася партия, которая рассчитывала выиграть парламентские выборы. В нее входили почти все губернаторы страны, а значит, административный ресурс по всей стране был именно на стороне Примакова. «Отечество — вся Россия», или сокращенно ОВР, была абсолютным фаворитом.

Мечты о захоронении Ленина снова пришлось отложить. Борьба с наследием коммунизма отошла на второй план — сначала нужно было победить бывшего коммуниста Примакова.

Новогодняя сказка

31 декабря Александр Волошин, глава администрации президента Бориса Ельцина, написал заявление об отставке. За час до этого его начальник, президент Ельцин, сам подал в отставку и назначил премьер-министра Путина исполняющим обязанности президента. Это означало, что сложнейшая операция

по передаче власти — то, что журналисты назовут «Операция «Преемник»», — была успешно завершена.

«Зачем это?» — спросил Путин, увидев заявление Волошина. Тот с улыбкой объяснил, что главой администрации его назначил прежний президент, а значит, у Владимира Путина должна быть возможность назначить собственного руководителя администрации. Путин тоже улыбнулся и попросил Волошина остаться в своей должности. Новый хозяин Кремля и его старейший идеолог раскланялись и разошлись.

Всего за 12 дней до этого в России состоялись парламентские выборы, которые стали триумфом Волошина и его стратегии, — синтетическая партия «Единство» обошла главного конкурента, блок «Отечество — вся Россия», который возглавляли бывший премьер-министр Евгений Примаков и мэр Москвы Юрий Лужков. Еще три месяца назад эта победа казалась невозможной. Три месяца назад казалось, что следующим президентом России станет 70-летний Евгений Примаков, бывший кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС.

В начале сентября Центризбирком зарегистрировал ОВР как участника выборов. Рейтинг партии составлял 30% — она уверенно шла на первом месте, на 10 процентных пунктов опережая коммунистов. Ничто не предвещало катастрофы. Именно в такой ситуации, за три месяца до выборов, Александр Волошин начал собирать новую партию, которая бы помешала триумфу Примакова.

Крестным отцом «Единства» стал Борис Березовский. Именно его российская пресса в тот момент называла серым кардиналом Кремля, что, конечно, было преувеличением. Бывший ученый-математик, этакий рассеянный гений, Борис Березовский действительно фонтанировал идеями, которыми пользовался Кремль. К нему действительно прислушивались Тania и Валя, но зато его недолюбливал Ельцин. Ни разу в жизни у Березовского не было встречи с Ельциным с глазу на глаз — у олигарха не было личного доступа к президенту. Но это Березовский компенсировал историями, которые сам рассказывал журналистам, — о том, что вся политика Кремля является продолжением его гениальных выдумок.

Но у истоков «Единства» и правда стоял Березовский — он сам ездил уговаривать нескольких знаковых губернаторов бросить Лужкова–Примакова и перейти в лагерь Кремля. Но довольно скоро Березовский потерял интерес к рутинной работе по партийному строительству — этим занялся молодой помощник Волошина (вскоре ставший заместителем) Владислав Сурков. Фактически это стало первой избирательной кампанией будущего путинского идеолога.

Всего в новый кремлевский проект удалось переманить 39 губернаторов, у Примакова осталось 45. Затем начались поиски лидера. Рисковать Путиным было опасно — если партия вдруг провалится на выборах, она погребет под собой и преемника, сделав его избрание невозможным. Поэтому для подстраховки решили найти другого популярного героя, им стал министр по чрезвычайным ситуациям, профессиональный спасатель Сергей Шойгу. Заголовки вроде «Шойгу идет спасать Россию» в прокремлевских газетах появились еще до того, как сам Шойгу согласился баллотироваться — уговаривать его пришлось самому Ельцину.

Финансировали новое объединение в первую очередь Березовский и Абрамович, хотя к фандрайзингу присоединились даже те, кто другой рукой давал деньги Примакову — бизнес подстраховывался. «Средний чек» составлял \$10 млн — по столько обычно скидывались олигархи. Всего бюджет нового пропутинского блока «Единство» составил около \$170 млн.

Волошин активно собирал под знаменами «Единства» и либеральную общественность. Кремлевский идеолог объяснял, что ОВР — это путь в прошлое, советский реванш, попытка КГБ вернуться к власти. (Примаков на излете перестройки действительно был назначен Горбачевым первым замдиректора КГБ, но до этого штатным сотрудником КГБ не был.)

На стороне «Единства» и Путина должны быть все либералы, реформаторы и те, кто хочет изменений, говорили в Кремле. На деле в «Единство» вошли примерно такие же региональные конъюнктурщики, что и в ОВР, — в основном те, кому в ОВР не хватило места. Тем не менее старт «Единства» был удачным. Главная проблема Примакова заключалась в том, что он был стар, а значит, очень похож на больного и немощного Ельцина.

Путин и Шойгу, наоборот, были молоды и энергичны. К началу октября рейтинг ОВР снизился до 20%, рейтинг «Единства» вырос с нуля до 7%. Личные рейтинги Путина и Примакова составляли 15 и 20% соответственно.

В следующие два с половиной месяца случилась самая грязная избирательная кампания в российской истории. Ее апогеем был рассказ об операции на тазобедренном суставе Примакова в программе Сергея Доренко, в прайм-тайм на телеканале ОРТ, принадлежавшем Березовскому. Телеканал НТВ, принадлежавший Гусинскому, отчаянно поддерживал Примакова, однако никакого существенного компромата на «Единство» не показал и проиграл информационную войну. По иронии судьбы именно эти главные символы тех выборов, ОРТ и НТВ, а также их лица, Доренко и Киселев, очень быстро окажутся жертвами новой власти, невзирая на то, на чьей стороне они воевали. Еще интереснее, что станет с политтехнологами, которые руководили двумя предвыборными кампаниями и бились за уничтожение друг друга. Со стороны Кремля сражался Владислав Сурков, со стороны Примакова — молодой политтехнолог из Саратова Вячеслав Володин. Это была их первая схватка. Но не последняя — в следующие 15 лет им предстоит еще немало сражений за влияние на Владимира Путина.

В итоге на выборах «Единство» Суркова получило 23% по партийным спискам, на один процентный пункт отстав от коммунистов, а ОВР Володина — 13%. Но самое главное — рейтинг Путина продолжал расти и достиг 30%, тогда как популярность Примакова зафиксировалась на 20%.

Неожиданное поражение на выборах 19 декабря немного обескуражило лагерь Примакова–Лужкова. Однако в штабе ОВР считали, что до выборов президента еще полгода и вся борьба впереди. Более того, там были уверены, что в новой Думе депутаты от ОВР смогут вступить в коалицию с коммунистами, занявшими на выборах первое место, сам Примаков станет спикером и на этой позиции сможет легко конкурировать с премьером Путиным за пост президента. В будущем предвыборном штабе Примакова даже начался дележ мест: кто возглавит его, кто окажется отстраненным от принятия решений. В любом

случае все понимали, что время есть, до Нового года ничего серьезного больше не произойдет. И разъехались отдыхать после долгой и изматывающей кампании.

29 декабря Центризбирком объявил окончательные результаты. А через день стало известно, что игра окончена. 31 декабря президент Ельцин объявил, что уходит в отставку и назначает Путина своим преемником. Это означало, что президентские выборы пройдут уже в марте, а не в июне, как положено по конституции. Это означало, что у Примакова, Лужкова и других противников Кремля нет времени, на которое они рассчитывали. Они не успеют оправиться от поражения на парламентских выборах. Конечно, это было шулерством со стороны Кремля, зато обеспечивало результат.

Игра действительно закончилась в ту новогоднюю ночь, хотя никто этого не предвидел. Пока лагерь Примакова делил места в предвыборном штабе, глава администрации Волошин, сидевший в десяти метрах от тела Ленина и мечтавший покончить с этим соседством, совершил невероятное — сговорился с коммунистами. Главная цель Кремля была проста: расколоть альянс коммунистов и сторонников Примакова. «Сейчас важнее трахнуть “Отечество”, — так рассуждали в Кремле. — Они люди конъюнктурные, надо им показать, что если они останутся с Примаковым и Лужковым, то они полный ноль».

18 января, на первом заседании Думы, выяснилось, что за время каникул «Единство» и коммунисты заключили пакетное соглашение: спикером парламента становится представитель компартии, все посты председателей комитетов они поделят. Остальные партии, в том числе ОВР, не получают ничего. Для окружения Примакова это стало ударом. Они считали, что идут в Думу делать большие политические карьеры и управлять процессами, а Волошин показал им, что если они против Кремля, то останутся рядовыми депутатами, причем из меньшинства. Для убежденных карьеристов это было убийственно. Поняв, что судьба отворачивается от Примакова, треть выдвиженцев от ОВР дезертировала в другие фракции уже на первом заседании. «Это сговор!» — кричал с трибуны Примаков и в знак протеста покинул зал.

В итоге он так и не стал выдвигаться в президенты. Он смирился. Через полтора года он уйдет из Думы, оставив пост главы фракции своему протеже, перспективному депутату Вячеславу Володину. А тот быстро присягнет Путину и к концу 2001 года договорится об объединении ОВР и «Единства» в новую правящую партию «Единая Россия». А спустя десять лет станет главным идеологом Кремля.

Советская роскошь

Бизнесмены так охотно давали деньги на предвыборную кампанию Путина, что доходило до конфузов. Согласно популярной легенде, Сергей Пугачев, близкий к Семье банкир, подружившийся с Путиным, тоже взялся заниматься краудфандингом на предвыборную кампанию среди крупных бизнесменов. Но его об этом не просили, и деньги до избирательного штаба якобы не дошли. По слухам, это был личный бизнес-проект предпринимателя, умело использовавшего свою дружбу с новым премьер-министром.

Пугачев, как и многие другие влиятельные бизнесмены, знал Путина еще по Петербургу. И именно он ближе всех подружился с преемником Ельцина. Сейчас Пугачев рассказывает, что в тот момент Путин был довольно одиноким человеком — те, кого принято сейчас называть друзьями Путина, еще не переехали в Москву. «Якуниных, Ковальчуков, Ротенбергов еще не было в помине», — уверяет Пугачев.

Путин и Пугачев жили по соседству, вместе объезжали подмосковные владения Управления делами президента, когда выбирали резиденцию для будущего президента. Остановились на бывшей госрезиденции Михаила Горбачева — Ново-Огарево. Путина, по словам Пугачева, больше всего поразил огромный 50-метровый бассейн. Впрочем, всем руководителям государства приходилось жить в домах, некогда принадлежавших советским руководителям. Глава администрации Волошин, к примеру, жил в доме, который некогда занимал генсек Юрий Андропов.

По словам Пугачева, новая жизнь Путину понравилась. С одной стороны, он совсем не стремился к власти — и даже активно

отказывался, сопротивлялся уговорам. С другой — его прельщал бытовой комфорт и президентские привилегии. В тот момент подавляющее большинство чиновников, включая директора ФСБ, жили сдержанно — о виллах, яхтах и частных самолетах, которые были у олигархов, им тогда не приходилось даже мечтать. Неожиданное вознесение на пост и. о. президента оказалось для Путина прежде всего бытовым потрясением.

Пугачев долгое время оставался близким другом Путина: они вместе выпивали и ходили в баню, их дети вместе росли. Впрочем, это не помогло Пугачеву получить политические рычаги. Ему так и приходилось действовать якобы от имени Путина, чтобы проворачивать успешные бизнес-сделки. Возможно, именно эта чрезмерная эксплуатация дружбы с Путиным сыграет спустя десять лет роковую роль в жизни банкира.

Первый друг

11 марта 2000 года в Мариинском театре давали премьеру. Все здесь было впервые и очень символично.

Впервые в этом зале собрались люди, которые станут политической элитой России ближайших десятилетий. Театральные работники взирали на них с изумлением: впервые они видели такое количество людей с мобильными телефонами.

Премьера была роскошной. Опера Сергея Прокофьева «Война и мир» в постановке вернувшегося из Голливуда российского кинорежиссера Андрона Кончаловского.

Но в тот вечер в Мариинском главным героем был не Кончаловский и не его родной брат, обладатель «Оскара» режиссер Никита Михалков, они оба сидели в партере. Ключевые персоны сидели в царской ложе: это были два премьера, глава британского правительства Тони Блэр и председатель правительства России Владимир Путин. Уже полтора месяца Путин являлся и. о. президента, и это была его полноценная мировая премьера, впервые он принимал лидера зарубежного государства, да еще с такой помпой.

Двумя месяцами ранее, на Давосском экономическом форуме, американская журналистка Труди Рубин поразила делегацию

из России прямым вопросом на пресс-конференции: Who is Mr. Putin? Никто в мире не знал преемника Бориса Ельцина, не понимал, каковы его шансы, каков его политический бэкграунд, насколько он самостоятелен или, наоборот, несамостоятелен, во что верит и чего боится, хочет реформ или реванша. Этого не знала и российская публика. Ей был предложен очень простой образ — *tough guy*, «сильная рука», полная противоположность старому и ослабевшему Борису Ельцину. Для внешней, западной, аудитории Путин и его команда подобрали другой имидж — *smart guy*, молодой, энергичный юрист, компетентный и самоуверенный, но открытый и дружелюбный. Фактически его ролевой моделью стал Тони Блэр. Именно с ним Путин решил установить первые дружеские отношения. А с кем еще? Клинтон и Ширак были дружны с Ельциным, слишком ассоциировались с ним, к тому же Клинтон через год должен был уйти в отставку.

Вспоминали еще и то, что 16 годами ранее Маргарет Тэтчер открыла миру Михаила Горбачева, заявив: «Я могу иметь с ним дело». Путин не хотел становиться вторым Горбачевым, но рассчитывал иметь такой же внешний пиар, какой был у президента СССР. В конце концов, Путину очень хотелось понравиться. Он стал ухаживать за Тони Блэром со всей тщательностью — ну, или вербовать его.

Британского премьера пригласили в Петербург, родной город Путина, где тот выглядел более выигрышно и куда более по-европейски, чем в Москве. Сначала Путин встретился с Блэром в Петергофе, летней императорской резиденции. Потом поводил британского премьера по Эрмитажу. И наконец, вечером они с женами отправились на премьеру в Мариинском.

Около входа в театр лидеров ожидала небольшая демонстрация с лозунгами «Путин — это война» (имелась в виду война в Чечне). По иронии в театре слушали оперу «Война и мир», рассказывавшую о ярком периоде в истории России и Британии, когда две империи были союзниками и победили общего врага. В первом действии на сцене появлялся император Александр I, внешне напоминавший Путина, с карликовым пуделем в руках — в нем публика в зале немедленно признала путинского домашнего той-пуделя Тосю².

Император Александр I — одна из самых загадочных фигур в российской истории. Победив Наполеона, он заявил, что «у нас земли хватает», и почти не стал увеличивать территорию России. Все прочие руководители вели себя иначе. А еще, по легенде (впрочем, немного сомнительной), он сам отказался от власти, инсценировал собственную смерть и уехал в Сибирь под именем старца Федора Кузьмича. В 2014 году, уже после присоединения Крыма и начала войны на Украине, Владимир Путин откроет памятник Александру I прямо у стен Кремля. Но это будет намного позже.

А в 2000 году поистине царский прием в Мариинском театре приятно поразил Тони Блэра. Об этом он напишет через десять лет в своих воспоминаниях: в аналогичной ситуации в Лондоне перед театральной премьерой ему пришлось бы улыбаться и пожимать руки. Но в Мариинском все было иначе. Зрители расступались, почтительно склонив головы. «Путин в России — как царь», — удивлялся Блэр в своей книге «Странствие»³. Парадокс налицо: Путин думал, что, принимая Блэра в Петербурге, будет выглядеть европейцем, а британскому премьеру царская роскошь, наоборот, показалась азиатчиной.

Но в 2000 году Блэр, конечно, говорил по-другому. «Путин — высокоинтеллектуальный человек с четким представлением о том, чего он хочет достичь в России. Его Россия — это сильная держава, где царит закон и порядок, это еще демократическая и либеральная страна», — рассказывал он в интервью, вернувшись домой в Лондон. Первый экзамен Путин сдал — впечатление на Блэра он произвел неизгладимое. В тот же день пресс-служба Блэра сообщила, что, вернувшись на Даунинг-стрит, премьер обзвонил всех своих коллег по «Семерке» и поделился приятными впечатлениями от общения с Путиным.

Через две недели Путин успешно выиграл выборы и назначил свое правительство и администрацию президента. Глава администрации остался прежним — Александр Волошин. Осуществив успешную передачу власти от Ельцина Путину, он стал идеологом первого срока и проводником всех реформ, с которых Путин начал свое правление.

Путин начинал свое президентство в полной уверенности, что с Западом, и в частности с Америкой, можно выстроить хорошие отношения. Он считал, что они просто не понимают российских особенностей. Надо встречаться, убеждать, объяснять: где мы находимся, какие у нас проблемы. Путин принимал каждого западного лидера, каждого министра иностранных дел и сидел с ними значительно дольше, чем велели протокол и здравый смысл.

С Блэром у Путина, кажется, все получалось. Британский премьер и прежде не отличался особенной критикой военных действий в Чечне, а объяснения Путина, похоже, его устраивали. Путин внимательно и подолгу рассказывал английскому другу, что вторая чеченская война началась с вторжения боевиков в Дагестан, что лозунг ваххабитов: «Аллах над нами, козлы под нами». «А козлы — это все мы!» — горячился Путин. Блэр не понимал, поскольку в английском слово «козел» не является ругательством, а Путин объяснял, что по-русски это очень, очень обидно.

В 2000 году Путин и Блэр виделись пять раз. В апреле, после выборов, но еще не вступив в должность, с первым зарубежным визитом Путин полетел к другу в Лондон. Английская пресса встречала его неласково. «Единственная известная собственность 48-летнего президента за пределами Москвы — это небольшой деревянный дом... с выгребным туалетом во дворе. Отель Royal Garden, из которого господин Путин так и не вышел вчера вечером, несомненно, роскошнее. В его номере есть спутниковое телевидение, круглосуточный киноканал, массажный душ, бесчисленные сорта мыла, шампуней, полотенец, мазей, телефон с голосовой почтой, факсовая связь, подключение к Интернету и огромный рабочий кабинет, соединенный с роскошной спальней “для гостя, нуждающегося в дополнительном просторе”... Будем надеяться, что он устоит перед соблазном прихватить из своего номера фирменный банный халат отеля Royal Garden», — писала *Daily Mail*. Путин читал, обижался, но терпел.

В Лондоне, кстати, он дал свою первую пресс-конференцию после избрания президентом, совместную с Блэром. Они называли друг друга «Владимир» и «Тони».

В ноябре уже британский премьер приехал в Россию, на этот раз в Москву. Путин повел его в ресторан «Пивнушка». Там они пили водку (Путин уже выяснил, что Блэр любит крепкие напитки), закусывали картошкой, селедкой и маринованными грибами и обсуждали, как выстраивать отношения с США при новой администрации. За две недели до их встречи в Америке состоялись президентские выборы, но их результат был по-прежнему неизвестен. Продолжался пересчет голосов в штате Флорида, и было неясно, станет ли имя нового президента известно к Новому году. Путин и Блэр, популярные политики, уверенно выигрывавшие свои выборы, посмеивались над этой ситуацией.

Алюминиевый крестик

В ходе американской предвыборной гонки «Гор против Буша» Россия играла особую роль. Республиканцы использовали ее как орудие в борьбе с демократами — они обвиняли Билла Клинтона и Альберта Гора в том, что те «потеряли Россию». Как раз под выборы в конгрессе был опубликован специальный доклад экспертной группы по России под названием «Путь России к коррупции». Он обвинял администрацию Клинтона в ужасающем провале на российском направлении. Авторы доклада сравнивали 1945-й и 1991-й — годы окончания Второй мировой и холодной войн. США выиграли обе войны, но если в первом случае администрация Трумэна сумела сделать все, чтобы избежать реваншистских настроений в Европе, реализовала план Маршалла, сумела поднять европейскую и, в частности, немецкую экономику, вернуть Европу к нормальной жизни и, более того, сделать своим союзником, то после 1991 года администрация Клинтона сделала прямо противоположное. Все деньги, направленные на восстановление российской экономики, были разворованы при попустительстве американского правительства, никакой десоветизации (наподобие немецкой денацификации) в России не произошло, наконец, к началу нулевых уровень антиамериканизма в России оказался максимальным — удивительный контраст с тем, что было в начале де-

вяностей. В момент распада Советского Союза США были очень популярны — через десять лет все сошло на нет. Теперь русский народ именно американцев винит в тех бедности и коррупции, которые охватили страну, — констатировали авторы доклада. Администрация Клинтона потеряла исторический шанс помочь России стать демократическим государством потому, что слишком доверилась конкретным руководителям России: Ельцину, Черномырдину и Чубайсу. И виноваты в этом, согласно докладу, три человека, которые единолично занимались Россией: вице-президент Альберт Гор, замминистра, а впоследствии министр финансов Лоуренс Саммерс и замгоссекретаря Строуб Тэлботт. Доклад, конечно, был классической предвыборной уловкой, направленной на дискредитацию Гора. И, кстати, в его завершающей части говорилось, что есть еще один шанс — новый российский президент Владимир Путин пытается провести необходимые реформы и очень важно ему помочь. И именно это станет последним шансом как для России, так и для Америки. В докладе не говорилось, но подразумевалось, что доверять администрации Гора эту важнейшую миссию нельзя, с ней справится только администрация Буша.

Уровень антиамериканизма в конце 1990-х годов действительно резко вырос. С этим, кстати, отчасти была связана популярность старого воина холодной войны Евгения Примакова. На его фоне Путин, а особенно его правая рука Волошин (с прекрасным английским) казались американцам куда более желанными партнерами. «У Путина первоклассная команда, и я верю, что он готов проводить необходимые реформы», — еще до президентских выборов в России говорил Билл Клинтон.

Александр Волошин действительно был хорошо знаком и со Строубом Тэлботтом, и с Ларри Саммерсом и отлично знал, как выстраивать отношения с командой Гора, если она победит. Про Буша было понятно намного меньше. Поэтому в августе 2000 года он решил отправить большую делегацию от «Единства» в Америку на конвент Республиканской партии, которая должна была выдвинуть Буша кандидатом в президенты. Волошин объяснял, что республиканцы — более прагматичные и конструктивные политики, менее идеологизированные и не так внимательно

относящиеся к правам человека, отношения между Россией и США всегда были значительно проще в период правления президентов-республиканцев. Знакомство состоялось: и Буш, и его внешнеполитическая советница Кондолиза Райс посланцам Путина и Волошина очень понравились.

На будущую администрацию Кремль возлагал большие надежды, потому что с уходящей личный контакт не сложился. В сентябре 2000 года Путин прилетел в Нью-Йорк, на так называемый «саммит тысячелетия» — заседание Генассамблеи ООН, на которое уходящий президент США Билл Клинтон постарался собрать едва ли не всех мировых лидеров. Путин был еще новичком: с того момента, когда в Давосе был задан знаменитый вопрос «Who is mr Putin?», едва ли прошло полгода. Поэтому саммит воспринимался как ответственные смотрины нового российского президента. Ему было очень важно произвести впечатление.

Но с самого начала все пошло не так. По жребию главе российской делегации выпало выступать 31-м, тогда как первым выступал хозяин саммита, Билл Клинтон. Российская делегация сбилась с ног и приложила все усилия — и в итоге выторговала для Путина возможность поменяться местами с президентом Кипра Глафкосом Клиридисом, он должен был идти пятым.

Речь Клинтона была триумфальной. Он говорил, что человеческая жизнь в современном мире важнее, чем границы, суверенитеты и независимость государств. Через несколько месяцев Клинтон должен был уйти в отставку, и это был его бенефис. Все остальные гости отдавали ему дань уважения.

Закончив речь, Клинтон под всеобщие аплодисменты сел на место. Путин все это время сидел на своем месте и — на виду у журналистов — повторял речь. Но когда пришло его время выступать, Билл Клинтон рассеянно потянулся, встал и пошел к выходу. Через минуту к выходу устремилась добрая половина высоких гостей. Заканчивал свою пятиминутную речь Владимир Путин при полупустом зале.

На следующий день он, правда, отомстил обидчику. На приеме в музее Метрополитен Билл Клинтон стоял у входа, встречая гостей и фотографируясь с ними на память. Когда американский

президент заговорил с Владимиром Путиным и предложил сфотографироваться, тот вдруг огрызнулся: «А вы еще действующий политик? Зачем же вы себе при жизни музей устраиваете?»

К знакомству со следующим президентом, Джорджем Бушем, Путин подошел так же ответственно, как и к встрече с Блэром, — он решил мимикрировать под него.

Перед первой встречей в столице Словении Любляне Путин изучил составленное для него досье Буша с подробным описанием его характера и биографии. В частности, там говорилось, что Буш очень религиозен, в молодости увлекался алкоголем, в 40 лет бросил пить и обрел истовую веру в Бога.

В самом начале неформального общения в Любляне Путин рассказал Бушу историю из своей жизни. Когда-то у него была дача под Санкт-Петербургом. И несколько лет назад она сгорела дотла, к счастью, никто из родных не пострадал. Каким-то чудом при пожаре уцелел лишь подаренный матерью алюминиевый крестик, который Путин снял с себя, зайдя в сауну. Тот случай убедил его в том, что чудеса случаются, резюмировал Путин. Религиозный Буш был поражен. «Я взглянул в его глаза и увидел там душу», — скажет он после той памятной первой встречи.

Буш, видимо, тоже считал, что вербует Путина. Это был комплимент в расчете на будущие хорошие отношения, рассказывает тогдашний спичрайтер Буша Дэвид Фрам. По его словам, Буш поначалу считал, что Россия все-таки сможет стать нормальной европейской страной, как Германия, например. Не супердержавой, конечно, как США или Китай, но нормальной успешной страной.

Летом 2000 года Путин принял решение закрыть военные базы, которые достались России в наследство от СССР: во Вьетнаме и на Кубе. Военные и чекисты были в шоке, но он терпеливо объяснял, что на самом деле базами уже много лет никто не пользуется. «На протяжении десяти лет наш военно-морской флот не выходил в Индийский океан и не пользовался услугами военно-морской базы», — объяснял официальную позицию Кремля министр иностранных дел Игорь Иванов. И Центр радиоэлектронной разведки в кубинском Лурдесе, и база ВМФ в Камрани приносили огромные убытки — на аренду и обслу-

живание приходилось тратить огромные деньги, — а толку от них никакого не было. В конце концов, средствами космической разведки можно достичь куда большего, чем при помощи старых советских баз. Патриоты в рядах вооруженных сил по привычке проклинали политическое руководство за предательство национальных интересов. Но решению подчинились.

В 2013 году Путин пересмотрит свое решение. С Вьетнамом начнутся переговоры, а в 2014 году будет подписано соглашение об использовании порта Камрань кораблями ВМФ России.

Тучные нулевые начинаются

«Первоклассная команда», о которой говорил Билл Клинтон, действительно начала без отлагательства осуществлять системные реформы. Еще до инаугурации Путин поручил своим старым знакомым из Петербурга либеральным экономистам, работавшим в команде первого мэра-демократа Анатолия Собчака, написать план реформ для нового правительства. Руководили этой креативной группой Герман Греф и Алексей Кудрин. После избрания Путина они получили портфели министров: экономического развития и финансов соответственно.

Еще только начиная работать над планами на будущее, они понимали, что им везет — еще в 1999 году, едва только Путина назначили премьером, в мире начали расти цены на нефть. Благодаря этому уже в 2000 году Кудрин сумел впервые в постперестроечной России добиться профицита бюджета. Теперь нужно было суметь воспользоваться этим неожиданным счастьем, свалившимся с небес. И «питерские экономисты» постарались быть максимально амбициозными.

Правительство установило плоскую шкалу подоходного налога — 13%. Общее число налогов было сокращено в три раза, нагрузка перераспределена на нефтяной сектор, а собираемость налогов увеличилась. Был разработан Земельный кодекс — впервые после революции 1917 года в России разрешили куплю-продажу земли сельскохозяйственного назначения.

Эти революционные реформы одобрила Дума — если при Ельцине парламент торпедировал любой закон, который исхо-

дил от правительства, то при Путине все стало проходить на ура благодаря новой думской коалиции: бывшие сторонники Примакова объединились с «Единством», новая пропутинская партия «Единая Россия» получила большинство в Думе и голосовала за все законопроекты.

Нефть продолжила расти такими темпами, что позволила правительству досрочно выплатить внешние долги. Население стало богатеть — налицо было настоящее путинское экономическое чудо. Вслед за лихими девяностыми в России начались тучные нулевые.

Одновременно с экономическими реформами Грефа и Кудрина Путин и Волошин провели несколько радикальных политических преобразований. Так, Волошин придумал новый принцип формирования Совета Федерации — верхней палаты парламента. Раньше в нем заседали лично губернаторы регионов, по новым правилам это должны быть профессиональные сенаторы — представители регионов. Где-то на этом этапе политики называют новую политику «управляемой демократией», очевидно, имея в виду, что при Ельцине была «неуправляемая». Первый шаг в повышении управляемости — лучший контроль над регионами. Цель была только одна — помешать региональным лидерам и лоббистам из бизнеса сорвать реформы.

Эта реформа очень не нравилась самим губернаторам, которых изгоняли из парламента, а значит, лишили права голоса на федеральном уровне. Особенно это не нравилось тем губернаторам, которые в ходе предвыборной кампании присягнули Путину и поддержали «Единство». Всем ясно, за что репрессировали губернаторов-примаковцев — они сделали неверную ставку и должны поплатиться, но за что наказывать своих? Донести общее возмущение до президента губернаторы попросили Бориса Березовского — ведь это он уговаривал их поддержать Путина. Березовский отправился к Путину и попробовал сделать ему внушение. Президент его принял, но не прислушался.

Но в парламенте реформа прошла на ура — ее с готовностью поддержали бывшие примаковские. Чтобы доказать новой власти свою лояльность, бывшие члены ОВР были готовы проголосовать за что угодно. Тогда Волошин и его зам Сурков решили

завершить процесс создания новых институтов: объединить «Единство» и ОВР в новую пропутинскую партию «Единая Россия». А заодно еще раз переделить все посты в Думе, расторгнув за ненадобностью прежнее пакетное соглашение с коммунистами. После этого поражения коммунисты уже не оправились. Они перестали быть какой-либо политической силой и были неопасны. Больше об идее вынести Ленина из мавзолея Волошин не вспоминал и соседством с ним уже не тяготился.

В конце года в Кремле появляется идея навести символический порядок и в госсимволике — с конца 1990 года в России никто не пел гимн, так как у него не было слов. В 1990 году Борис Ельцин выбрал новый гимн России: отменил старый советский гимн, введенный еще при Сталине, сменив его мелодией Михаила Глинки, написанной в XIX веке. Но новые слова для гимна никто не писал. Волошину, как и Путину, музыка не нравилась — ее невозможно запомнить, говорили они. Составили длинный список новых мелодий, в основном старых маршей, чтобы сделать их гимном новой России. Но в последний момент Путин вдруг передумал и решил вернуть старый, сталинский гимн, просто поменяв слова. Причем написать новый вариант он решил поручить автору предыдущих версий, старому советскому поэту Сергею Михалкову, отцу кинорежиссеров Никиты Михалкова и Андрона Кончаловского.

Ненавидящий коммунистов Волошин был, конечно, против. Семья понимала, каким это будет ударом для пенсионера Бориса Ельцина. Но Путин убеждал советников, что это полезно для реформ. Поскольку все силы нужно сконцентрировать на экономике, на проведении непопулярных и болезненных реформ, не стоит раздражать население по пустякам. Пусть старики порадуются — тем самым мы сэкономим силы для либеральных реформ и дерегулирования, убеждал Путин. И Волошин сдался — ради реформ пусть будет советский гимн.

Глава 2

В КОТОРОЙ ПОЛИТЭМИГРАНТА БОРИСА БЕРЕЗОВСКОГО НЕ ПОЗВАЛИ НА КОРОЛЕВСКУЮ СВАДЬБУ

Я никогда не встречался с Борисом Березовским, хотя почти десять лет проработал в принадлежавшей ему газете — главной деловой газете России нулевых «Коммерсантъ».

Когда в 2007 году я писал книгу про «Газпром», то должен был, очевидно, встретиться с Березовским, чтобы взять у него интервью. Но я сознательно не сделал этого. Мне казалось, что Березовский может скомпрометировать книгу — настолько сомнительной казалась репутация его самого и всего с ним связанного. Кроме того, я был убежден, что Березовский все время врет, — какой толк брать интервью, если заранее уверен в его недостоверности?

За год до смерти он дал большое интервью моим коллегам, журналистам «Дождя». После этого он максимально красноречиво описал свою версию событий конца 1990-х — начала 2000-х годов в свидетельских показаниях во время суда против Романа Абрамовича. Лондонский суд, впрочем, счел, что Березовский в своих показаниях постоянно врал, поэтому он присудил ему поражение.

У Бориса Березовского было одно очень важное свойство, которое резко отличает его от всех остальных (без исключения) героев книги. Он многократно признавался в том, что ошибался. В конце жизни (а не в период своего авантюрного триумфа, конечно же) он часто рассказывал в содеянном. Некоторые говорят, что он делал это абсолютно искренне. А другие уверены, что и здесь была неубедительная поза.